

Тамара Осиповна Спивак,
кандидат исторических наук, заслуженный
работник культуры РФ.

От благодарного читателя отдела
краеведения областной библиотеки
Менск
Шульц

ГЛУХАРЬ В ЛАДОНЯХ

В семье было двое детей. Погодки. Девочка и мальчик. Девочку родители, словно предчувствовали, что быть ей человеком военным, назвали Викторией. Росла она бойкой, с неугомонным характером, уже в отрочестве начала проявлять самостоятельность и упорство. Рано покинула родительский дом в Новозыбкове (Брянская область), работала в Москве на строительстве метро, одновременно училась на рабфаке и в аэроклубе. Мечтала стать летчицей. Не получилось. И в 1935 году она поступила в военную академию химической защиты. С тех пор ее жизнь в течение более тридцати лет была связана с армией. Когда в 1943 году ее назначили начальником химической службы 5-й стрелковой дивизии, командующий 1-м Украинским фронтом маршал И.С. Конев искренне удивился: «Женщина – начальник службы дивизии прорыва? Сколько прожил, а такого не припомню!»¹. Может быть, это был единственный случай в истории Великой Отечественной войны, но пройдя с дивизией боевой путь до Берлина и Праги, Виктория Васильевна доказала, что и женщина может отлично выполнять любой ратный труд.

Однако мой рассказ не о ней, а о ее брате – Вячеславе Васильевиче Немцеве. Он был на год младше своей сестры (род. 02.08.1917), с детства отличался необыкновенной наблюдательностью и любовью к природе. Его настоящей страстью были бабочки, которых он стал коллекционировать еще будучи школьником и пополнял эту коллекцию до последних дней своей жизни. Сегодня эта коллекция хранится в Научно-исследовательском зоологическом музее Московского университета².

Обладая и трудолюбием, и настойчивостью, он, тем не менее, в школе учился средне³. Это помешало ему в 1935 году поступить в Московский университет, хотя во всех школьных документах фиксировалась его особая склонность к биологии.

В 1936 году Вячеслав Немцев поступает в Московский зоотехнический институт на факультет охотоведения и звероводства и в июне 1941 года оканчивает его с «красным» дипломом⁴. В семейном архиве сохранилась любопытная характеристика, написанная профессором П. Мантейфелем незадолго до выпускных экзаменов. «Тов. Немцев В.В. на протяжении всех пяти лет обучения в Московском зоотехническом институте выделялся среди других студентов своего курса как своими отличными успехами в овладении преподаваемыми предметами,

так и отлично выраженным глубоким интересом к научным исследованиям в области охотничьего хозяйства. Это заставляет считать кандидатуру тов. Немцева В.В. в аспиранты МЗИ весьма желательной»⁵. Но вручение диплома состоялось уже в дни, когда на западе страны полыхало пламя Великой Отечественной войны. Не до аспирантуры. Год Вячеслав Васильевич проработал охотоведом Серпуховского научно-опытного хозяйства института, а в октябре 1942 года был призван в действующую армию. Стал пулеметчиком.

В 1945-м году после демобилизации В.В. Немцев вернулся в институт, в котором почти два года проработал старшим лаборантом кафедры биотехники, руководимой профессором П.А. Мантейфелем. В марте 1947 года был назначен ассистентом этой кафедры. Однако его преподавательская деятельность продолжалась всего лишь год. В 1948 году Московский зоотехнический институт решено было перевести в Иркутск. Вячеславу Васильевичу ехать туда не хотелось. Был там до войны на практике. Не понравилось. Профессор Мантейфель посоветовал ему ехать на работу в Дарвинский заповедник. «Я увидел эту землю, – рассказывал Немцев годы спустя подрастающей дочери, – и сразу полюбил ее. И сказал себе: здесь я проживу всю жизнь»⁶. Так оно и случилось. Более полувека проработал он в Дарвинском заповеднике.

И здесь я, уважаемый читатель, должна сделать небольшое отступление, поскольку уверена: немногие сегодня представляют себе, что это такое – Дарвинский заповедник.

В девятом томе издания Большой Советской Энциклопедии на 351-й странице читаем: «Заповедник – участок территории/акватории, на котором сохраняется в естественном состоянии весь его природный комплекс... В заповеднике созданы благоприятные условия для проведения стационарных многолетних наблюдений за явлениями природы, за жизнью диких животных и растений в естественной среде их обитания».

В Дарвинском заповеднике все было как раз наоборот. Здесь предстояло изучать прямо противоположную проблему: как сказались изменения природных условий на жизни животных, птиц, рыб, ранее обитавших в этих краях.

Когда в 1941 году было закончено строительство Рыбинского гидроузла, началось затопление обширной Молого-Шекснинской низменности.

Вячеслав Васильевич Немцев (фото из семейного архива Немцевых)

К 1947 году на площади более 400 тысяч гектаров образовалось водохранилище с резким колебанием уровня воды. Мелководья площадью примерно в 200 тысяч гектаров то осушались, то затапливались вновь. Это изменило подпор воды в реках и их притоках ⁷.

Любое вмешательство человека в природу не проходит бесследно. На этот раз перед учеными встал вопрос: как сказались создание водохранилища на всей экосистеме обширных прилегающих к нему территорий. С этой целью в 1945 году в северо-западной части водохранилища и был создан заповедник, названный именем великого английского ученого-естествоиспытателя Ч. Дарвина. Сюда, в эту своеобразную природную лабораторию, и приехал орнитолог В.В. Немцев.

К этому времени ихтиологи заповедника уже обнаружили и научно обосновали причины катастрофического сокращения численности шекнинской стерляди, воспетой когда-то Гавриилом Державиным. Правда, значительно выросла, приобретая промысловое значение, численность леща, судака, налима... Но стерлядь, стерлядь-то исчезала! (Забегая несколько вперед, скажу, что вскоре она и вовсе исчезла. О ней у нас никто и не вспоминает).

А как дела с пернатыми? Было время, когда в этом озерном краю обитали утки, дикие гуси, многие другие разновидности водоплавающих и болотных птиц. Здесь они гнездились, растили птенцов, осенью собирались в стаи, готовясь к дальним перелетам. По весне возвращались в родные места. Но Рыбинское водохранилище резко меняло знакомый птицам пейзаж. И однажды весной они, не найдя своих гнездовых, улетели в поисках новых мест. Утку-гоголя, некогда водившуюся здесь в больших количествах, теперь можно было увидеть только во время перелета, и то все реже. Почему?

Причина в образе жизни этой утки. Гоголи хоть и водоплавающие, но потомство свое выводят не на земле, а в дуплах деревьев. До образования водохранилища они гнездились в дубравах по берегам

Мологи. Готовя эти территории под затопление, строители вырубали дубравы, лишив птиц привычного места обитания. Надо было срочно принимать меры, чтобы вернуть гоголей обратно в эти края.

Как это сделать, подсказывала история. Из литературы ведомо, что дуплянки, сооруженные руками человека, использовались еще в древности. В летописях и грамотах времен удельной Руси упоминаются «гоголиные гонь» наряду с бобровыми. В те времена, отдаленные от нас веками, яйцо гоголюшки и ее пух очень ценились при княжеских дворах. Вот и создавали люди птицам искусственные условия, чтобы увеличить добычу.

Опытом, пусть и столь древним, не грех воспользоваться и в веке двадцатом. У самой воды, там, где десятилетиями гнездились гоголи, подняли на четырехметровую высоту несколько деревянных «скворечников». Только были эти «домики» высотой в полметра и 25 сантиметров в ширину. Пролетавшие весной птицы заметили их и решили не тратить силы на дальнейший путь, а поселиться здесь. Год от года количество таких искусственных гнездовых увеличивалось. На одном только островке Силон их установили 80. Шестьдесят заняли благодарные «квартиранты». В естественных условиях столько гоголиных поселений на таких малых территориях не бывает.

Появляющиеся по весне птенцы-гоголята, как и столетия назад из естественных дупел, выбираются из домиков, цепляясь за стенки острыми коготками, спрыгивают на землю и вместе с заботливой мамашей добираются до водохранилища. Так были возвращены в эти места утки-гоголи.

Не остались без внимания и помощи и другие пернатые. Вскоре в заповеднике начали снова в массовом порядке гнездиться кряквы, шилохвости, свиязи, широконоски. Для многих из них тоже построили «домики», только поставили их на землю. При этом учитывали конкретные особенности устройства гнезда и охраны потомства. Коварнейшим врагом, например, кряквы, является ворона. Крадет

не только яйца, но и птенцов. Поэтому утка старается понадежнее укрыть свое гнездо. Люди сколотили для этих уток ящики, сплели из прутьев крыши. И оказалось, что гнездо для воровки недоступно, потому что она ни за что не полезет туда, куда ей пришлось бы войти с хвостом: безобразничать мастерица, но хвост (из осторожности!) всегда торчит наружу⁸. Так что живи кряква и будь спокойна за своих утят!

Все легко и просто, неправда ли? Только надо же было сначала это пронаблюдать и осмыслить. Вообще, решенные задачи всегда кажутся простыми...

Многолетние наблюдения и опыты, проведенные В.В. Немцевым, легли в основу его диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук, которую он успешно защитил в декабре 1955 года в Зоотехническом институте Академии Наук СССР. Тема исследования – «водоплавающие птицы Рыбинского водохранилища и пути их хозяйственного освоения».

Так кто же он, Вячеслав Васильевич Немцев? Ученый-биолог или охотовед?

В этом смысле очень примечательно высказывание доктора биологических наук, профессора Л.А. Портенко в его отзыве на диссертацию Немцева: «Заключительная часть диссертации касается практических вопросов. В решении их виден биолог, а не охотовед»⁹.

Уже тогда главной своей задачей В.В. Немцев считал минимизацию тех утрат в природе, к которым приводит хозяйственная деятельность человека. И неслучайно среди многочисленных наград, которыми отмечен и ратный, и послевоенный труд ученого, есть Почетная Грамота Вологодского отделения Всероссийского общества охраны природы¹⁰.

Не случайны и то рвение, то упорство, тот энтузиазм, с которыми он, уже немолодой ученый, многие годы работал над проблемой выращивания глухарей в неволе.

Задание по выращиванию этой птицы в искусственных условиях было в 1963 году выдано нескольким заповедникам страны. Цель эксперимента весьма актуальна и значима. Глухарь – одна из древнейших птиц на земле. Как только ни величают люди этого красавца: ровесник мамонта, «соловей каменного века», птица-реликт, таежный отшельник. Спорят о происхождении его названия. Одни утверждают, что оно родилось под влиянием наблюдений биологических особенностей птиц: во время токования самец, якобы, слышит только себя, а остальные звуки не воспринимает, поэтому и охотиться на него легче всего во время токования. Другие считают, что назван он так потому, что обитает в самых глухих лесных дебрях.

Увы, в какие бы дебри не забирался этот бородатый великан, человек находил и истреблял его всюду. Были времена, когда он водился во всех странах Европы. К XIX веку он начисто исчез во Франции, в Испании, в Германии, резко сократилась его численность в Англии. Сказались не только охота, но главным образом, интенсивное наступление человека на леса. В большинстве европейских стран уже нет первозданных девственных лесов. Все они вторичны. Глухарь же покидает те места, куда вторгся человек, и, если не находит себе

надежного укрытия, погибает. Даже в зоопарках встретить эту птицу почти невозможно. В клетке она больше месяца не выживает. Немецкий писатель-натуралист А. Брем отмечал, что в неволе ее очень трудно приучить к непривычной для нее пище и к жизни в клетке. И уж совсем трудно вырастить ее потомство¹¹.

Катастрофически уменьшилось количество крупной боровой дичи, особенно глухарей, и в России. В курских, воронежских, тульских лесах его уже не встретишь. В шестидесятые годы прошлого столетия он у нас был занесен в «Красную книгу». Потому и было предложено попытаться искусственно остановить его вымирание: выращивать глухарят в заповедниках и заселять ими новые лесные массивы.

Нельзя сказать, что приручением этой птицы не занимались раньше. Занимались. И в Европе, и в России. Энтузиаст-охотовед Хватов восемнадцать лет жизни потратил на этот эксперимент, но в конце концов сделал вывод: глухарь не способен жить и размножаться в клетках.

Неудачами закончились первые опыты и в Дарвинском заповеднике. А в семидесятых годах уже многие газеты, как центральные, так и региональные публиковали информации и статьи, репортажи и интервью о глухариной ферме в Дарвинском заповеднике¹².

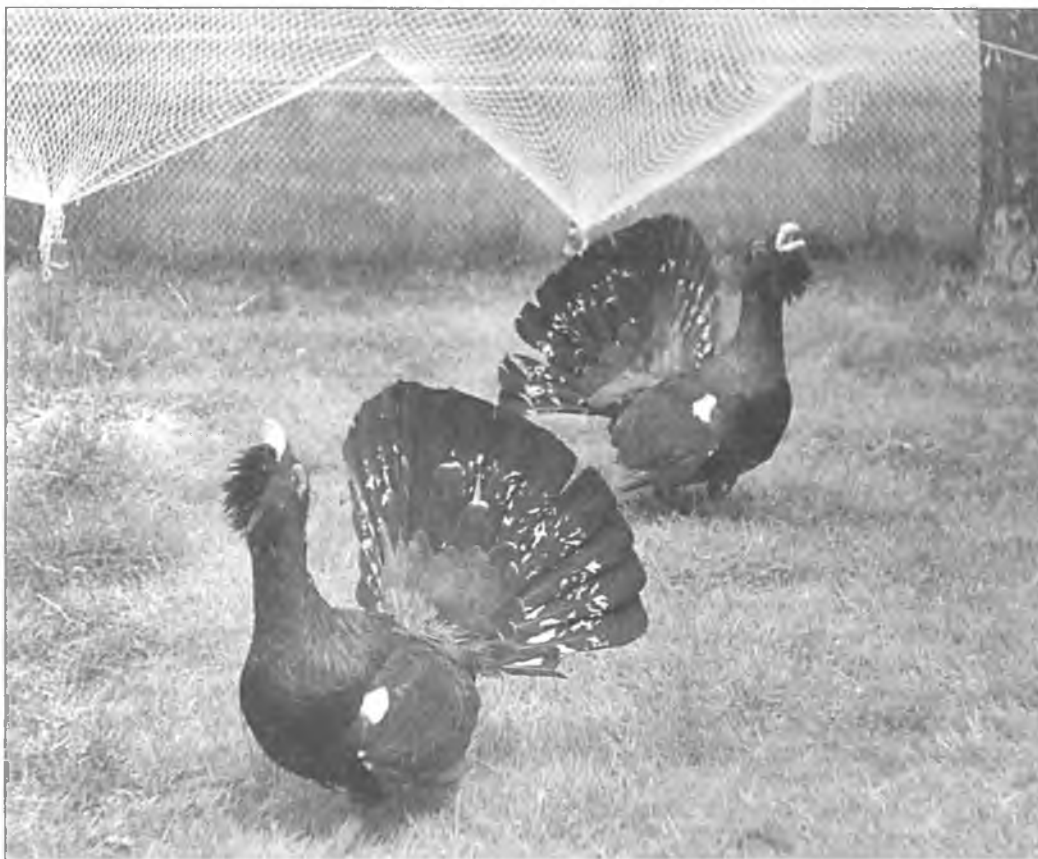
Создавалась она очень и очень трудно. Начали с изучения биологии глухаря. А в его биологии – сплошные загадки. Птица эта травоядная, самая травоядная из всех тетеревиных. Но как удаётся бородачу выжить в зимние месяцы на одной хвойной «диете»? Какие болезни наиболее опасны для этого лесного отшельника? Почему в кладке шесть-восемь яиц, а в выводке глухарки всего два-три птенца? Вопросы, вопросы... Ответы можно было получить только в процессе практических опытов.

Отловили несколько особей разного возраста и пола. И в первые же месяцы все птицы погибли. Они отчаянно бились о сетки клеток, травмировали себя. Глухарь – птица «нервная». Не выдерживает глухариное сердечко испуга и тревоги.

Пришлось начинать все сначала. Из наблюдений Вячеслав Васильевич знал, как ведет себя глухарь в естественных условиях в случае опасности. Далеко не улетает. Метров на сорок-пятьдесят. И прячется. Так почему не предоставить ему такую возможность и в неволе? Увеличили выгульные «дворы» до сорока метров. В них все, как обычно в природе: кустики рябины, ивняк, трава и сено, даже грибы. Все обнесли мягкой сеткой из веревки. Теперь бородачи могли при появлении человека спокойно «прятаться».

Решили одну проблему, как тут же возникла новая. В лесу в зимнее время глухарь, покормившись хвоей, зарывается в снежный сугроб и морозы ему нипочем. В вольерах глубоких сугробов нет. Построили ему зимнюю «квартиру» – теплушку. Не сразу, но и эту заботу человека птицы приняли.

Приучить глухарей к вольере, это только первый шаг к решению задачи. Потомство нужно, потомство! А его нет, как нет. Самцы не токуют, самки даже не пытаются обзаводиться гнездом. Как будто неволя лишила их главного жизненного инстинкта – инстинкта продолжения рода.

Токующие в вольере глухари (фото из семейного архива Немцевых)

Нашли гнездо в лесу, взяли яйца, подложили под курицу-наседку. Клуша терпеливо высидела их (глухарята вылупляются только на 28-й день), привычным квохтанием пыталась повести птенцов за собой, но они не подчинились ей, разбежались и вскоре начали дохнуть. Опять год потерян. И так подряд несколько лет. Дохнут и дохнут. Не изменил положения и выписанный из Италии куриный инкубатор. «Не вылупляются, и все тут», – пожаловался как-то Вячеслав Васильевич заезжему журналисту.

Как тут было не вспомнить предшественников и не впасть в отчаяние! Не впал. Когда наступила очередная весна, обложили в лесу глухариные гнезда градусниками. Выяснилась причина неудач: искусственная наседка обогревает яйцо со всех сторон одинаково, а в гнезде низ яиц остается холодным, ведь кладет его глухарка в апреле. Гнездо она устраивает на земле из нескольких сухих мягких прутиков и ничуть его не утепляет, только время от времени переворачивает яйцо.

Заказали специальный инкубатор, называемый брудерным. И... получили удивительный результат, две трети яиц проклюнулись, в полтора раза больше, чем у глухарки в естественных условиях. Теперь бессонные ночи с одной лишь заботой: как вырастить этих пушистых крох? Если взрослые птицы – чистые вегетарианцы, то птенцам нужен нежный животный белок. Корма, применяемые в современном птицеводстве, неприемлемы. Для трехдневных глухарят даже куриное яйцо – пища грубая. А. Брем пишет: «Пищу их почти исключительно составляют насекомые: мать водит их на

подходящие места, разрывает землю, кладет им на клюв муху, жучка, личинку, червячка и таким образом приучает их есть. Особенно любят молодые глухари куколки муравьев»¹³.

Но поди ж ты, напасись для целого выводка всяких куколок, личинок и червячков. Однако собирали, насколько позволяли возможности, даже комаров пытались ловить. Но не единожды бывало, оставлял В.В. Немцев малышей на попечение «глухариной няни», своей помощницы Елены Константиновны Семеновой и уезжал в Москву за «червячками для трехдневных глухарят».

А для борьбы с болезнями, которым так подвержены птицы, в заповеднике создали ветеринарно-бактериологическую лабораторию. Возглавил ее тоже ученый, кандидат ветеринарных наук Л. Дачевич. Одно из направлений работы лаборатории: изучение глухариных болезней, их восприимчивость к болезням домашней птицы, разработка методов профилактики и лечения инфекционных заболеваний, таких как колибациллез, паратиф и тиф.

В 1970 году В.В. Немцев выпустил первых своих трехмесячных окольцованных «воспитанников» в ближайший к питомнику бор. Этот факт вызвал подлинный журналистский бум. Газетные страницы запестрели броскими заголовками восторженных публикаций и фотографиями обитателей вольеров. Особенно активизировались журналисты в 1975 году, в дни, когда Дарвинский заповедник отмечал свой тридцатилетний юбилей.

Сам же ученый не разделял этого восторга. «Мы будем считать проблему решенной только в том

случае, – говорил Вячеслав Васильевич писателю-вологжанину, столь же страстно влюбленному в родную природу, И.Д. Полуянову, – если из вольеров пойдут на заселение лесов сотни глухарят... Пока мы еще только экспериментируем...»¹⁴.

Но об экспериментах этих знали уже ученые-орнитологи многих стран. Ведь это были результаты, не имевшие аналогов. Глухаринная ферма – единственная в мире. В других заповедниках, начинавших опыты вместе с В.В. Немцевым, ученым не хватало настойчивости и терпения. Отступились. А в Дарвинском продолжали работать и наблюдать за птицами, даже выпустив их на волю. Надо же было выяснить, как они уживаются, в каких местах расселились. Помощниками орнитологов стали егеря. Установили любопытное явление: птицы, родившиеся и воспитанные в неволе, не покинули данной им человеком родины. Набрав вес и возмужав, они следующей весной затоковали.

Работы все прибавлялось. Ведь кроме глухарей, в заповеднике были сотни видов других пернатых. К тем, что когда-то водились в этих краях, прибавились новые. Некоторые из них (например, пара белых лебедей) сами облюбовали себе здешние места, а за яйцами и птенцами серых гусей В.В. Немцев ездил в Астраханский заповедник. Прижились, но тоже требовали внимания ученого.

Теперь же к обычной научно-исследовательской и экспериментальной работе, ко многим

общественным обязанностям прибавилась еще необходимость отвечать на многочисленные письма. Опыты с глухарями заинтересовали не только российских орнитологов, но и финских, английских, югославских и ряда других стран. И все они просили описать подробности опытов. Зачастили в заповедник всевозможные делегации, чтобы воочию убедиться в существовании «дарвинского чуда». В Истринском заповеднике (Подмосковье) хорошо прижились 12 птиц, привезенных из немцевского питомника. Разведением боровой дичи занялись и в Белоруссии ¹⁵.

Между тем у самого Немцева тревог и забот не убавлялось. Вот, что он писал дочери в ноябре 1979 года: «...Несколько дней назад в новом глухарятнике ночью закравшийся хорек задавил пять глухарей за один раз. Год этот для глухарей очень невезучий: то отправили на тот свет весь молодняк, то погибли птицы от колибациллеза... Потом ястреб потрепал нескольких птиц, часть убил, другие разбились на смерть сами. И вот теперь снова гибель глухарей... Поголовье глухарятника убавилось почти вдвое. Было 53, стало 32...»¹⁶.

Можно понять пережитую ученым боль, вызванную гибелью выращенных, выпестованных птиц. Но, думаю, во сто крат больнее человеку от осознания, что гибнет само дело, которому отдано более тридцати лет жизни. В стране – перестройка. Все меньше финансируется научная работа. К кон-

С хлебом-солью встречали в Дарвинском заповеднике известного английского писателя-натуралиста Д. Даррелла, приехавшего в Вологодскую область специально для того, чтобы отснять глухаринную ферму. Фото 1985 года (из семейного архива Немцевых)

цу девяностых финансирование вообще прекратилось. И ему, В.В. Немцеву, принесшему в будущий питомник первого дикого глухаря, на склоне лет пришлось выпускать в лес и последнего представителя маточного стада питомника.

Сам ученый ушел в мир иной в 2002 году, не дожив до своего 85-летия всего 38 дней. Но остались его труды. 48 научных статей опубликовал за свою жизнь этот неутомимый человек. В них – его мысли, наблюдения, выводы. Все это осталось будущим поколениям, которые (в этом был он уверен до последнего дня своего) к ним еще вернуться. Жизнь заставит вернуться к проблемам охраны всего живущего на земле. Иначе и самому человеку не выжить...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Степанов М. Начхим Немцева // *Московская Правда*. – 1979. – 12 июля.

² Благодарность директора Научно-исследовательского зоологического музея Московского государственного университета, академика РАЕН О.Л. Россолимо. – Личный архив М.В. Кораблевой.

³ Копия свидетельства об окончании Новозыбковской образцовой средней школы, выданного 30 мая 1935 года. – Там же.

⁴ Копия диплома, выданного в июле 1941 года. – Там же.

⁵ Копия характеристики. – Там же.

⁶ Из воспоминаний М.В. Кораблевой.

⁷ Куликов К. Лаборатория в природе // *Юность* (Орган Ярославского Обкома ВЛКСМ). – 1970. – 8 октября.

⁸ Полуянов И. Заповедный край // *Красный Север*. – 1970. – 30 июля.

⁹ Отзыв Л.А. Портенко о диссертации В.В. Немцева. – Личный архив М.В. Кораблевой.

¹⁰ Автобиография В.В. Немцева, написанная 1 ноября 1972 года.

¹¹ Брем А. *Жизнь животных*. – М., 2004. – С. 529–530.

¹² См., например, «Красный Север». – 1971. – 16 декабря; «Сельская жизнь». – 1976. – 22 апреля; «Литературная Россия». – 1977. – 02 декабря; «Советская Россия». – 1975. – 09 июля; «Вечерняя Пермь». – 1971. – 12 мая; «Северный рабочий». – 1971. – 4 августа; «Правда». – 1989. – 22 декабря.

¹³ Брем А. Указ. соч. – С. 530.

¹⁴ Полуянов И. Указ. соч.

¹⁵ Хромова К. Глухариный дом // *Литературная Россия*. – 1977. – 2 декабря.

¹⁶ Письма из личного архива М.В. Кораблевой.